

Положение палестинских беженцев в Ливане

М. И. Махмутова^{1, 2а}

¹Российский институт стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

²Военный институт Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

^аORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>, e-mail: makhmutova.maria@yandex.ru

Резюме: В представленной работе автор рассматривает положение палестинских беженцев на территории Ливана, где они были вынуждены обосноваться после 1948 г. В статье изучаются международные и ливанские документы, на основе которых стало возможным понять статус палестинцев. Интерес вызывают работы, проделанные учеными в полевых условиях, поскольку они имели возможность проводить опросы и брать интервью. В работе изучаются социальные проблемы палестинцев, с которыми они сталкиваются, проживая в лагерях беженцев. Отмечаются проблемы трудоустройства, заключения брачных союзов, доступа к базовым потребностям. Также акцентируется внимание на вопросе безопасности обычных палестинцев, поскольку ливанские силовики не в состоянии ее предоставить, а палестинские группировки периодически враждуют между собой, что наносит порой непоправимый удар. С точки зрения автора, проблема палестинских беженцев сохраняется в связи со сложным конфессиональным балансом в Ливане и вряд ли будет решена в обозримой перспективе, что ставит под угрозу стабильность не только в лагерях, но и в самом Ливане. В исследовании автор опирается на системный подход.

Ключевые слова: палестинцы; беженцы; Ливан; Организация освобождения Палестины (ООП); БАПОР; Израиль; Палестинская национальная администрация (ПНА); марониты; шииты; сунниты

Для цитирования: Махмутова М. И. Положение палестинских беженцев в Ливане. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(4):835-854 DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-835-854

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 License.

Situation of Palestinian refugees in Lebanon

M. I. Makhmutova^{1, 2a}

¹*Russian Institute for Strategic Studies, Moscow, the Russian Federation*

²*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation*

^aORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9681-7071>, e-mail: makhmutova.maria@yandex.ru

Abstract: In the presented work, the author examines the situation with Palestinian refugees in Lebanon, where they were forced to settle down after 1948. The article examines international and Lebanese documents, which made it possible to understand the status of the Palestinians. The work carried out by scientists in the field is of interest, since they had the opportunity to conduct surveys and interviews. The author relied on a systematic approach in the presented study. The paper examines the social problems Palestinians face while living in refugee camps. The problems of access to basic needs, employment, marriage unions are noted. It also focuses on the issue of security for ordinary Palestinians, since the Lebanese security forces are unable to provide it, and Palestinian groups periodically feud with each other, which sometimes inflicts irreparable blow to the people. From the author's point of view, the problem of Palestinian refugees persists due to the complex confessional balance in Lebanon and is unlikely to be resolved in the foreseeable future, which endangers stability not only in the camps, but also in Lebanon itself.

Keywords: Palestinians; refugees; Lebanon; Palestine Liberation Organization (PLO); UNRWA; Israel; Palestinian National Authority (PNA); Maronites; Shiites; Sunnis

For citation: Makhmutova M. I. Situation of Palestinian refugees in Lebanon. *Minbar. Islamic Studies*. 2021;14(4):835-854 (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2021-14-4-835-854

Введение

После образования Израиля в 1948 г. Ливан, будучи одной из ближайших к нему стран, стал пристанищем для палестинских беженцев, потерявших свой дом. В самом начале туда прибыло около 100 тыс. человек, преимущественно это были выходцы из Галилеи. Уже после арабо-израильской войны 1967 г. в страну направились еще 25 тыс. палестинцев, которые не имели ни удостоверений, ни паспортов. Все они были отмечены в документах как перемещенные лица, а не беженцы.

После Черного сентября 1971 г. часть палестинцев покинули лагеря беженцев в Иордании и направились в Ливан. По данным БАПОР (Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации

работ), количество палестинских беженцев в 2019 г. превысило 475 тыс. [1]. Однако правительство страны уверено, что их около 600 тыс., в то время как в самом Ливане проживает 4,4 млн человек. Безусловно, это несет довольно серьезную нагрузку на политический режим, основанный на сложной конфессиональной системе, а также на экономику страны.

Нередко положение беженцев в Ливане сравнивают с гетто, так как люди в них лишены гражданских прав, не могут рассчитывать на обеспечение безопасности со стороны властей, ограничены в передвижении и живут в тяжелых условиях. Для палестинцев лагеря беженцев изначально были временным местом проживания. Однако в связи с тем, что палестинский вопрос не решается длительное время, несколько поколений уже родились в них. Тем не менее идея о возвращении «домой» продолжает жить в сердцах людей, они не могут по многим причинам интегрироваться в ливанское общество и остаются оторванными от земли, на которой живут.

Правовые рамки

С момента прибытия палестинцев в Ливан их положение всегда оставалось под вопросом. Резолюция №302 (IV) [2], на основе которой была учреждена организация БАПОР, прописывала ее ключевые цели, однако не упоминала определение термина «палестинские беженцы». Устав, регулирующий функцию БАПОР, не был принят ГА ООН, в отличие от Устава Управления Верховного комиссара по делам беженцев (УВКБ). В результате БАПОР стало адаптироваться к заказам своих доноров. Международное сообщество приняло произвольный и неоднозначный подход к правовому статусу палестинских беженцев. Термин стал интерпретироваться так: палестинский беженец – это «человек, обычно проживающий в Палестине, который потерял дом и средства к существованию в результате военных действий, и кто нуждается в этом» [3].

Первая их перепись была проведена Красным Крестом в 1948 г., затем эти функции взяло на себя БАПОР. Однако уже к 1951 г. обозначилась следующая тенденция: многие принимающие страны препятствовали проведению подсчета палестинцев международными организациями. Беженцы в Ливане получили удостоверения личности, они выдавались от Бюро общей безопасности, а затем им были предоставлены паспорта ООН. Палестинцы, бежавшие из Иордании в Ливан после 1971 г., не смогли получить документы, в результате они до сих пор не обладают никаким статусом и могут быть депортированы. Такая ситуация привела к тому, что к 1980-м гг. на территории страны насчитывалось около 100 тыс. нелегальных палестинцев.

В Ливане первые шаги по предоставлению статуса беженцам были сделаны в 1959 г., когда появился Департамент по делам беженцев [4, р. 160–161]. В апреле 1960 г. правительство сформировало Верховный совет по делам палестинцев, который находился в подчинении у министра иностранных дел и по делам миграции. Таким образом, было создано два органа, но четкого закрепления того, какой именно статус получали палестинцы, нигде не прописывалось. На основе законодательства об иностранцах от 1962 г. они стали рассматриваться как любые другие иностранцы в стране. Скорее всего, это свидетельствовало о нежелании руководства страны решать этот вопрос. На тот момент Ливан не предполагал, что беженцы станут для него длительной проблемой. Руководство страны рассматривало их как краткосрочный вопрос и рассчитывало, что палестинцы вскоре вернуться на свою родину. Так, когда в 1965 г. был издан протокол ЛАГ (Лиги арабских государств) [5], призывавший арабские страны предоставить всем беженцам права на уровне обычных граждан, не выдавая гражданство, Ливан отказался его подписать. К тому же Бейрут не принял целый ряд международных документов: Конвенцию ООН о статусе беженцев (1951 г.), Конвенцию ООН о статусе апартеида (1954 г.), Конвенцию ООН о сокращении безгражданства (1961 г.), Протокол ООН, касающийся статуса беженцев (1967 г.).

В конце 1950-х гг. Израиль нанес несколько ударов по Ливану в связи с периодическими вылазками палестинских партизан на его территорию. Это положило начало довольно агрессивной политике президента Ф. Чехаба (1958–1964 гг.) по отношению к палестинцам. В результате вспыхнуло восстание в лагерях беженцев, что принудило обе стороны установить перемирие. В 1969 г. руководитель Организации освобождения Палестины (ООП) Я. Арафат и представитель ливанской стороны генерал Э. Боустани подписали соглашение, известное как Каирское (официально не опубликовано, изначально было представлено только в египетской газете «Аль-Ахрам») [6]. Известно, что на основе этого документа палестинцам в Ливане разрешалось принимать участие в палестинской революции, они могли формировать комитеты для вооруженной борьбы с Израилем, получили облегчение в передвижении и добились улучшения медицины. Фактически ООП обеспечила себе право на вооруженное присутствие в стране в обмен на признание суверенитета и безопасности ливанского государства. Стоит отметить, что Бейрут был нацелен на попытку контроля вооружения в руках палестинцев и установления ограничений, где они могли действовать, так как ООП набирала силу.

После подписанного документа ООП пыталась создать новые институты внутри палестинских лагерей. В 1968 г. появилась гуманитарная организация Палестинский Красный полумесяц на основе Женевских международных конвенций [7]. С 1971 г. Ливан стал штаб-квартирой для ООП. Для беженцев строились спортивные и образовательные учреждения, что давало возможность для развития молодого поколения. Для них же были созданы рабочие места (около 20 тыс.). ООП смогла решить проблему нехватки жилья в лагерях, вынудив власти Ливана согласиться на строительство второго и третьего этажей в домах, что ранее было запрещено [8, р. 218]. В середине 1970-х гг. ООП начала брать ответственность за предоставление основных услуг палестинским беженцам (вода, санитария и электричество), в то время как ранее это было прерогативой правительства Ливана и БАПОР.

Однако усилия ООП все же были ограничены в данном направлении, организация не была намерена выстраивать сильную экономику в лагерях, так как большинство финансов уходило на ведение партизанской войны против Израиля. Благодаря подписанным договоренностям с Бейрутом, его армия «согласовывала нападения палестинцев на Израиль» с южных границ [9, р. 19]. Когда в 1982 г. израильские войска вошли в Ливан, жители лагерей Шатила и Сабра подверглись жестоким атакам, а Я. Арафат вместе со своими последователями бежал в Тунис. Однако это не помешало ему сохранить влияние в ливанских лагерях и обеспечить потоки нелегального оружия.

Изменения в отношении палестинских беженцев были отмечены в 1990-е гг., когда начался мирный процесс. Среди них кипело недовольство, так как с самого начала они чувствовали себя преданными. Их права фактически зависели от договоренностей между Израилем и ООП за закрытыми дверями и росчерка пера. Ливан критиковал Я. Арафата за то, что тот уделял недостаточное внимание нуждам палестинцев, находящихся за пределами исторической Палестины. Более того, даже после подписанных договоренностей Осло I (1993 г.) и Осло II (1995 г.) их будущее оставалось неопределенным, а решение постоянно откладывалось. Бывший премьер-министр Ливана Р. Харири в 1994 г. на встрече с палестинской делегацией признал существование официального плана по сокращению беженцев в стране [10, р. 271]. Пропать между беженцами в Ливане и сформированной Палестинской национальной администрацией (ПНА) усугубилась, когда в 1995 г. делегат от ПНА Н. Шаат заявил о том, что Рамалла не несет ответственности за беженцев. К тому же угрожающе звучали и слова бывшего президента Ливана И. Храуи (1989–1998 гг.),

который был готов выгнать беженцев с территории страны, если палестино-израильские мирные соглашения не решат их судьбу [11, р. 137].

Вопрос о возвращении беженцев в Палестину повис в воздухе, поскольку к началу нового столетия палестино-израильские переговоры провалились и разгорелась Интифада Аль-Акса (2000–2005 гг.). После выхода Израиля из сектора Газа в 2005 г. представитель ПНА в Ливане А. Заки предложил беженцам рассмотреть эту территорию в качестве нового дома, однако реакции от них не последовало. В первую очередь это связано с тем, что беженцы считают себя выходцами из Галилеи и намерены вернуться обратно [12, р. 145]. Во-вторых, тяжелая экономическая ситуация в Газе и ее оккупация не являются наилучшим выходом для беженцев. В-третьих, теоретически палестинцы могут столкнуться с противодействием со стороны Израиля, не желающего усиления неконтролируемого властями Рамаллы вооруженного анклава во главе с ХА-МАС. В дальнейшем руководство ПНА затрагивало проблему беженцев в ходе конференции в Аннаполисе (2008 г.), однако уже в период попытки реализации мирной инициативы Дж. Керри (2013–2014 гг.) глава ПНА М. Аббас признал, что у палестинских беженцев не будет права на возвращение [13, р. 469].

На текущий момент Департамент по делам палестинских беженцев в Ливане (создан в 1959 г.) осуществляет оформление и выдачу гражданско-правовой документации для них, включая проездные документы. Все палестинские беженцы на основе Указа министра внутренних дел №319 от 1962 г. являются «иностранцами, которые не везут документы из своих стран происхождения и проживают в Ливане на основании карт [вида на жительство], выданных Управлением Службы общественной безопасности, или удостоверений личности, выданных Департаментом по делам палестинских беженцев» [14]. Эти два документа являются действительными, но не указывают статус палестинцев. Новорожденные дети регистрируются в соответствии с первоначальным местом регистрации семьи, независимо от того, где они родились на территории Ливана [15].

Таким образом, с 1948 г. юридически не проработано понятие «палестинский беженец». В данной связи их права и статус всегда ущемлены на территории Ливана и в других арабских странах. Реальные попытки решения этого вопроса имели ограниченный характер у БАПОР, Бейрута и палестинских движений. Во-первых, это связано с тем, что БАПОР финансируется США и странами ЕС, оттягивающими полноценное признание проблемы беженцев, что может сказаться негативно на палестино-израильском мирном процессе. Во-вторых, Ливан не намерен интегрировать палестинцев в свой внутренний

гражданских процесс, так как это способно повлечь за собой изменение хрупкого политического баланса внутри и усилить давление на слабую экономику. В-третьих, для самих палестинских движений решение проблемы беженцев не стоит на первом месте, наибольший интерес для них представляет ведение партизанской войны и требование уступок от Израиля.

Социальный аспект

Когда в 1948 г. в Ливан хлынула первая волна палестинских беженцев, было предложено расселить их в лагерях для армянских беженцев, в Рашидие и Эль-Буссе (недалеко от г. Тира), а также в бывших французских военных гарнизонах. По мере увеличения населения строились новые места для их проживания, в результате за период с 1946 г. по 1956 г. появилось 12 новых лагерей. В ходе кровавых событий 1982 г. некоторые из них подверглись атакам. Так, Эйн Эль-Хилве практически был полностью разрушен, Шатила оказался уничтожен на 80%, Бурдж Бараджнех – на 60%, Рашидие – на 40%. В результате около 35 тыс. человек остались без жилья и были повторно перемещены. Помимо этого, в Ливане лагеря уничтожались бульдозерами, например, во время событий 1994 г. в Сидоне 13 тыс. человек потеряли свои дома [16, р. 379–383].

На настоящий момент в стране находится 12 зарегистрированных лагерей беженцев (Баддави, Бурдж Бараджнех, Бурдж Шималий, Дбаех, Эйн Эль-Хилве, Мар Элиас, Эль Бусс, Нахр-эль-Баред, Рашидие, Шатила, Вавель) и 7 незарегистрированных. Внешне практически все лагеря напоминают гетто, где стоят обшарпанные дома, некоторые частично разрушены, между ними узкие и грязные улицы, где свисают провода, а на выходе установлены КПП, для пересечения которых необходимо получать разрешение на выезд у ливанских государственных структур – нередко беженцам в этом отказывают.

Сложность в разрешении проблемы палестинских беженцев заключается в хрупком конфессиональном балансе Ливана и в итогах Таифских соглашений (1989 г.) [17]. На их базе произошло перераспределение руководящих политических должностей. Пост президента может занимать только маронит, премьер-министра – суннит, председателя Национальной ассамблеи – шиит. В случае включения палестинцев на полноценной гражданско-правовой основе в ливанскую систему выстроенный костяк рухнет из-за резкого прибавления мусульман-суннитов. Позиция правительства, которое с 1948 г. отказывается даже обсуждать данный вопрос, имеет прочную поддержку среди самих ливанцев, которые полагают, что они платят слишком высокую цену за

размещение палестинцев [18, р. 281–283]. Бывший президент Ливана Э. Дж. Лахуд (1989–2007 гг.) охарактеризовал палестинских беженцев как бомбу замедленного действия, которая может взорваться в любой момент [19]. Кроме того, по мнению нидерландской исследовательницы Н. Стел, Ливан не собирается решать эту проблему, так как в случае выдачи гражданства беженцам снизится давление на Израиль по этому вопросу [20, р. 542].

Однако в Ливане не раз были прецеденты выдачи гражданства палестинцам. Первая волна датируется 1950–1960-ми гг., когда благодаря обращению в суд гражданами страны стали около 30 тыс. человек. На тот момент паспорта было проще получить христианам, нежели мусульманам, так как первые доминировали в государственных институтах. Еще с момента прибытия палестинцев в Ливан правительство разделяло их по конфессиональному признаку. Христианам была оказана большая помощь по сравнению с мусульманами: власти разрешили разместиться им рядом со столицей. Обеспеченные палестинцы, которые имели контакты со странами Персидского залива и использовали Ливан как базу для коммерческой деятельности, могли получить гражданство благодаря вложенным капиталам [21, р. 262]. Вторая волна относится к 1994 г., когда на основе Указа президента №5427 приблизительно 27 тыс. палестинцев стали полноценными гражданами Ливана. Третья волна датируется 1995 г., тогда 23 тыс. человек получили гражданство. Как указывает ливанская исследовательница Г. Хоурани, подобные шаги со стороны ливанского руководства в 1990-е гг. объясняются их попыткой изменить ситуацию на выборах, так как палестинцы голосовали за просирийских кандидатов (политика М. Эль-Мурра и блок «Метна»). При этом сами новые граждане могли не придерживаться этой позиции. В действительности, на выборы их привозили в автобусах, окруженных сирийской охраной [22, р. 198].

Большая часть палестинцев не смогла добиться улучшения своего положения. На практике государство сняло с себя ответственность перед палестинцами в экономической и социальной сферах [23, р. 2161]. Многие полномочия были переданы БАПОР, где на местах рабочими являются сами палестинцы. Периодически организация осуществляет проекты по ремонту жилья или строительству новых зданий. Также уделяется внимание медицинскому обслуживанию, реализуются программы по контролю качества питьевой воды и обеспечению санитарии для снижения риска эпидемий. Для детей были организованы школы, количество которых достигло 60, а обучаются в них почти 37 тыс. человек. Тем не менее есть неоднократные случаи, когда молодые люди отказывались от учебы в пользу войны. Некоторые женщины и

вовсе остаются безграмотными в связи с отсутствием доступа к образованию. БАПОР постоянно старается совершенствовать учебную программу, учебные пособия, а после получения образования стремится помочь палестинцам в трудоустройстве через центры занятости [24]. Однако в Палестине, Сирии и Иордании организация осуществляет программу микрофинансирования для беженцев, чего не наблюдается в Ливане.

Важно отметить, что сами палестинцы не запрашивают предоставления им ливанского гражданства, они требуют улучшения их социального положения. По местному законодательству им запрещено работать примерно в 72 профессиях, вне зависимости от полученного образования. Даже имея дипломы об окончании вуза в Ливане или за рубежом, палестинцы не могут устроиться по профессии. Ради содержания семей инженеры, врачи, экономисты и др. вынуждены работать в низкооплачиваемой сфере услуг. Они становятся таксистами, уличными торговцами, строителями. Такая ситуация ведет к появлению черного рынка, а, соответственно, к понижению заработка, увеличению рабочего времени и отсутствию социального обеспечения. Положение остается крайне тяжелым. Так, в лагере Бурдж Шималий около 40% населения (из 17 тыс. человек) живут за чертой бедности. По официальным данным, уровень безработицы может быть порядка 60%, в действительности он достигает 90% [25, р. 320]. С 2001 г. на палестинцев на распространяется право владения частной собственностью. В данной связи они даже не могут наследовать его от своих родственников, поэтому, как правило, они стараются его продавать на черном рынке [26, р. 246]. В 1995–1999 гг. многие беженцы оказывались в крайне затруднительном положении, если желали уехать из Ливана, например, по работе или учебе. Им необходимо было получать отдельные визы, но возникали трудности по возвращении домой, и многие оказались тогда отрезанными от своих семей.

Описанная ситуация не раз вызывала протестное движение со стороны беженцев. Последние отмечены летом 2019 г., когда палестинцы начали требовать разрешения работать наравне с ливанцами. Представитель ХАМАСа в Ливане У. Хамдан указывал: «Мы, палестинцы, не решили жить в Ливане. Нам больше некуда идти. Мы находимся в этих лагерях беженцев до реализации нашего права на возвращение в Палестину» [27]. В результате было принято решение о проведении переговоров в г. Сайда между представителем ХАМАС А. Хади и министром труда Ливана К. Абу Сулейманом. Руководство страны приняло решение о формировании комитета для решения проблемы. В него вошли премьер-министр С. Харири, министр молодежи М. Кмати («Хез-

болла»), министр труда Ю. Фаньянанс (движение «Марада»), министр образования А. Шехайб («Прогрессивная социалистическая партия») и министр по делам президента С. Джрейссати («Свободное движение») [28]. Тем не менее в связи с внутриэкономическими проблемами Ливана и массовыми протестами самих граждан осенью 2019 г. палестинский вопрос был отложен.

Кроме того, по ливанскому законодательству беженцам крайне тяжело регистрировать брачные отношения, поэтому многие союзы палестинцы пытаются заключать через мечеть. Однако в дальнейшем встает вопрос о статусе детей, которые полностью лишаются каких-либо прав, если у отца нет никаких документов. К тому же в случае заключения брака между гражданкой Ливана и палестинцем их дети не получают гражданства этой страны, так как оно выдается только по отцу [29, р. 361].

Стоит отметить, что практически всех палестинцев с детства учат тому, что Ливан – это не их страна. Таким образом, формируется их идентичность как палестинцев (изгнанного народа) и оторванность от государства, в котором они проживают. Нередко в школах или дома ведутся беседы об «абстрактной стране Палестине» и о горе их народа без государства. Скорее всего, Палестина для них является идеалистическим мифом, страной со множеством гор, рек, озер и деревьев. При этом люди скучают по тому, чего они никогда не видели в своей жизни. Они чувствуют, что обязаны исправить историческую ошибку и готовы длительное время отстаивать свою правду. Фактически сама идея Палестины выступает как символ борьбы за независимость. На основе опросов британская исследовательница М. Холт пришла к выводу, что для мужчин идея независимого государства выражается в войне и политике, а для женщин – в насилии и страдании [30, р. 250–251].

В целом социальное положение палестинских беженцев в связи с отсутствием каких-либо прав остается затруднительным. Это выражается в тяжелой экономической ситуации, так как более чем две трети населения остаются за чертой бедности. Также сохраняются проблемы доступа к чистой воде, электричеству, неприкосновенности частного имущества, передвижения по стране, трудовой занятости. Безусловно, это влечет не только протесты, но и сложность сосуществования палестинцев и ливанцев на одной земле.

Вопрос безопасности

Довольно остро для многих палестинских беженцев стоит проблема безопасности. Вооруженные силы Ливана, ответственные за ее обеспечение в стране, крайне жестко относятся к палестинцам, что спровоцировано их

участием в гражданских войнах и войнами между лагерями. Возможно, здесь также имеет место и тот факт, что Ливан длительное время не мог утвердить себя в качестве полностью независимого государства в региональной системе. Вначале он был колонией Франции (1918–1943 гг.), в течение длительного времени находился в состоянии гражданской войны (1975–1990 гг.), столкнулся с вводом израильских войск на свою территорию (1982–2000 гг.), а также с присутствием Сирии (1990–2005 гг.). Вооруженные силы Ливана представляют довольно хрупкий институт, где прослеживается конкуренция между силовыми блоками. Они более нацелены на ликвидацию внешней угрозы. В связи с тем, что палестинцы не были интегрированы в правовую систему, взаимодействие между силовыми структурами и ними не налажено, и беженцы стали интерпретироваться как внешняя угроза.

В 1980-х гг. ливанская военная разведка смогла проникнуть в такие лагеря, как Эйн Эль-Хилве, Нахр-эль-Баред и Баддави благодаря взаимодействию с местными группировками. В результате, после переезда главы ООП в Тунис, им удалось вывести тяжелое вооружение из этих лагерей. Однако даже после подписания Таифских соглашений вооруженные палестинские группировки держали стрелковое и легкое вооружение (в первую очередь это касалось южных регионов) [31, р. 95]. На текущий момент серьезную обеспокоенность представляют лагеря вблизи сирийской границы, так как в некоторых сильное влияние имеет НФОП-ГК (Народный фронт освобождения Палестины – Главное командование). Часть ответственности по противодействию палестинским организациям согласились взять на себя внутренние силы безопасности Ливана, которые смогли расправиться с некоторыми мелкими группировками в Нахр-эль-Баред, однако не в состоянии ликвидировать крупные сети.

Вооруженные силы Ливана с 2005 г. ввели строгий пропускной контроль на территорию лагерей и ограничили доступ ввозимых товаров, дабы предотвратить проникновение огнестрельного оружия. Ливанские силы безопасности контролируют входы в лагеря, проверяя транспортные средства и удостоверения личности на КПП.

Наличие физического барьера в виде КПП также препятствует интеграции палестинцев в ливанское общество. Само его существование является свидетельством недоверия двух обществ друг к другу. Согласно исследованию британского ученого К. Финчам, граждане Ливана стараются не проникать в лагеря ради собственной безопасности, так как опасаются, что их там убьют. Палестинцы же боятся, что при выходе за пределы лагеря их уничтожат толь-

ко по той причине, что они «другие» [32, р. 309–311]. Как отмечают ученые Т. Лонга и С. Ханафи на основе проведенных опросов, палестинцы чувствуют, что к ним всегда относятся так, будто они преступники, вне зависимости от их убеждений или деяний [33, р. 685]. БАПОР не в состоянии обеспечить палестинцам безопасность [34, р. 298]. Так или иначе, беженцы вынуждены постоянно пересекать КПП, чтобы сходить в магазин или в государственные учреждения. При этом люди с детства видят разное социальное и экономическое положение ливанцев и палестинцев, что с юных лет приводит к отчуждению.

За положение внутри лагерей в основном отвечают местные палестинские силы, так как эти территории находятся вне юрисдикции ливанских силовиков, за исключением Нахр-эль-Баред, где осуществляются патрули ливанских вооруженных сил. Разные лагеря управляются различными палестинскими фракциями. Внутри них все движения, в том числе исламистские группировки и ФАТХ, имеют оружие, в их распоряжении своя полиция, свой аппарат безопасности. При этом группировки завоевали право на самостоятельное задержание местных жителей и ведение своей системы правосудия. Они безнаказанно могут осуществлять пытки, которые бывают крайне жестоки, преследование и угрозы. Все фракции конкурируют между собой за политическое и силовое влияние. На настоящий момент в этих анклавах частью обыденной жизни стали контрабанда наркотиков, проституция и торговля оружием [35].

В ряде мест случаются даже военные действия, ярким примером являются события в Рашидие в 2015 г., когда в результате малоэффективных инфраструктурных работ (они велись после бурных зимних штормов и наводнений) начались столкновения между палестинскими группировками. В Эйн Эль-Хильве 21 августа 2015 г. произошло покушение на местного члена ФАТХ. Напряженность между ФАТХ и салафитами «Джунд аш-Шам» (организация, запрещенная на территории РФ) привела к шести дням войны. В результате шесть палестинцев были убиты и ранены, около трех тысяч беженцев покинули место жительства [36]. Некоторые дома оказались захвачены вооруженными группировками, а перестрелки привели к разрушению инфраструктуры. Сформированные Объединенные силы безопасности, состоящие из светских и исламистских групп (ФАТХ, «Усбат аль-Ансар» (организация, запрещенная на территории РФ), «Ансар Аллах» и «Альянс палестинских сил»), имеющие связи с правоохранительными ливанскими органами, попытались стабилизировать ситуацию в Эйн Эль-Хильве. Но произошедшие ранее вооруженные столкновения препятствовали эффективности их сотрудничества.

Как отмечает британский ученый П. Исса, довольно часто палестинцы с юных лет вступают в различные группировки. Рекрутирование происходит на основе доверительных связей. В первую очередь они ориентируются на выбор семьи. Так, например, если старшие члены семьи вошли в состав НФОП или ХАМАС, то младшее поколение следует за ними. Это связано с тем, что все воспитание проходит в лоне определенной идеи, а культурные традиции арабского общества внутри семьи довольно сильны. Нередко подростки примыкали к палестинским партиям благодаря доверительным отношениям внутри школьных или университетских групп, а также молодежных центров. Уже к 1990-м гг. стала отмечаться еще одна тенденция. Юноши начали ориентироваться на собственные симпатии к тому или иному движению, на высказывания и идеи их лидеров. Однако исследователь не нашел тех, кто, будучи в одной семье, состоял бы во враждующих палестинских движениях [37, р. 265–269].

Таким образом, вопрос обеспечения безопасности обычных жителей лагерей беженцев только обостряется. В связи со слабостью ливанских органов на их территориях палестинцы вынуждены решать его сами, что привело к появлению вооруженных групп, которые политически конкурируют между собой. Не раз подобная ситуация становилась причиной физических жертв и тяжелых последствий. Более того, в связи с восприятием гражданами Ливана палестинцев как опасности беженцы не могут чувствовать себя спокойно за пределами лагерей. Это свидетельствует о сохранении указанной проблемы, которая не решается на протяжении длительного времени.

Заключение

Закрепленные в Таифских соглашениях (1989 г.) положения о распределении политических должностей не способствуют решению проблемы палестинских беженцев. В случае выдачи палестинцам гражданства хрупкий конфессиональный баланс может быть нарушен, что приведет к крайне сложным последствиям. Тем не менее данная проблема остается уязвимым местом Бейрута, что было не раз доказано, когда правительство страны сталкивалось не только с протестами, но и с вооруженными нападениями со стороны беженцев.

Важно отметить, что до сих пор ни международными организациями, ни принимающей страной не выработано четкого определения понятию «палестинский беженец». Права палестинцев остаются ущемленными, и ни БАПОР, ни ПНА, ни Ливан не готовы решать данный вопрос. С одной стороны, власти

страны не раз думали о принятии мер по изгнанию беженцев, с другой – сами палестинские власти не могут решить проблему, тянущуюся с 1948 г. В связи с отсутствием на карте независимой Палестины и мирных соглашений между Израилем и ПНА Рамалла не в силах предоставить беженцам право на возвращение. В то же время переговоры 2013–2014 гг. продемонстрировали, что ПНА окончательно ушла от этого вопроса.

Социальное положение палестинцев остается крайне тяжелым: они сталкиваются с проблемой доступа к базовым потребностям; сохраняется вопрос о доступности образования, так как нередко беженцы остаются безграмотными; в связи с ограничениями по работе, введенными ливанским правительством, наблюдается высокий уровень безработицы, а люди с высшим образованием работают на низкооплачиваемой работе. Палестинцы являются частью черного рынка в Ливане, они лишены социальных выплат и пособий. Перед многими нередко стоит вопрос о невозможности регистрации брака, что ставит под удар детей, которые могут не получить никаких документов.

В лагерях не решается вопрос безопасности, ее пытаются обеспечить палестинские группировки, куда постоянно рекрутируются молодые люди. Ряд движений нередко вступают в конфликт друг с другом, что приводит к пагубным последствиям. Довольно редко военные силы Ливана готовы действовать в интересах обычных палестинцев, так как каждый из них, по мнению властей страны, может представлять опасность.

В целом палестинские беженцы вряд ли когда-либо будут интегрированы в Ливан. Они всегда ощущают себя «другими» на этой земле. В данной связи угроза стабильности самого Ливана будет сохраняться, ведь государственные органы страны не имеют практически никакой силы в лагерях, а вопрос о возвращении беженцев уже не является предметом обсуждения между ПНА и Израилем.

Литература

1. *Lebanon*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unrwa.org/where-we-work/lebanon> (Accessed: 05.08.2021).
2. 302 (IV). *Assistance to Palestine refugees*. [Electronic source]. Available at: <http://www.unrwa.org/sites/default/files/302%20%28IV%29.pdf> (Accessed: 05.08.2021).
3. *UNRWA – Annual report of the Director*. [Electronic source]. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-178032/> (Accessed: 05.08.2021).

4. Davis U. *Citizenship and the State: A Comparative Study of Citizenship Legislation in Israel, Jordan, Palestine, Syria and Lebanon*. Ithaca Press, 1997. 222 p.
5. *Protocol on the Treatment of Palestinian Refugees* ["Casablanca Protocol"]. [Electronic source]. Available at: <https://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/E373EB5C166347AE85256E36006948BA> (Accessed: 05.08.2021).
6. *Насс иттифак аль-Кахфра аль-маакуд ма бейна ас-султат аль-любнания ва аль-муназзамат аль-фидаийя аль-фылыстинийя* [Текст соглашения в Каире между правительством Ливана и ООП]. [Electronic source]. Available at: https://www.palestine-studies.org/sites/default/files/Text_of_the_Cairo_Agreement.pdf (Accessed: 05.08.2021).
7. *Ад-Дусмуп*. [Electronic source]. Available at: <https://www.palestinercs.org/index.php?page=post&pid=24114&catid=1&parentid=0> (Accessed: 05.08.2021).
8. Brynen R. The Politics of Exile; The Palestinians in Lebanon. *Journal of Refugee Studies*. 1990;3(3):204–227.
9. Takkenberg L., Albanese F. *The Status of Palestinian Refugees in International Law*. Oxford: Clarendon Press; 1998. 411 p.
10. Shiblak A. Palestinians in Lebanon and the PLO. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):261–274.
11. El-Malak E. Betrayed and Forgotten: Palestinian Refugees in Lebanon. *Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law Online*. 2002;9(1):131–168.
12. Howe M. Palestinians in Lebanon. *Middle East Policy*. 2005;12(4):145–155.
13. Caspit B. *The Netanyahu Years*. N.Y.: Macmillan, Thomas Dunne Books; 2017. 480 p.
14. Trad S. *Falling through the Cracks. Legal and Practical Gaps in Palestinian Refugee Status*. [Electronic source]. Available at: http://prn.mcgill.ca/research/papers/050815_fallingthroughthecracks.pdf (Accessed: 05.08.2021).
15. *Stateless Palestinian Refugees in Lebanon. Country of Origin Information for Use in the Asylum Determination Process*. [Electronic source]. Available at: <https://www.nyidanmark.dk/NR/rdonlyres/091D8946-CC06-4659-A864-773FA0D69FFC/0/RapportLibanon8102014pdf.pdf> (Accessed: 05.08.2021).
16. Abbas M. The Housing Situation of the Palestinians in Lebanon. The Socio-economic Conditions of Palestinians in Lebanon. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):378–396.
17. *The Taif Agreement*. [Electronic source]. Available at: https://www.un.int/lebanon/sites/www.un.int/files/Lebanon/the_taif_agreement_english_version_.pdf (Accessed: 05.08.2021).

18. El-Khazen F. Permanent Settlement of Palestinians in Lebanon: A Recipe for Conflict. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):275–293.
19. Ан-насс аль-кямиль ли-мукабальят ар-раис Имиль Лахуд маа аль-Кудс ли-ль-анба [Electronic source]. Available at: <http://alqudsnews.net/post/66108/النص-الكامل-لمقابلة-الرئيس-اميل-لخود-مع-القدس-للأنباء> (Accessed: 05.08.2021).
20. Stel N. 'The Children of the State'? How Palestinians from the Seven Villages Negotiate Sect, Party and State in Lebanon. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2015;42(4):538–557.
21. Shiblak A. Palestinians in Lebanon and the PLO. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):261–274.
22. Hourani G.G., Sensenig-Dabbous E. Naturalized Citizens Political Participation Voting Behavior Impact on Elections in Lebanon (1996–2007). *Journal of International Migration and Integration*. 2012;13:187–202.
23. Tuastad D. 'State of exception' or 'state in exile'? The fallacy of appropriating Agamben on Palestinian refugee camps. *Third World Quarterly*. 2017;38(9):2159–2170.
24. *Education in Lebanon*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unrwa.org/activity/education-lebanon> (Accessed: 05.08.2021).
25. Alagha J.E. *The Shifts in Hizbullah's Ideology: Religious Ideology, Political Ideology and Political Program*. Amsterdam University Press; 2006. 380 p.
26. Serhan W. Consociational Lebanon and the Palestinian Threat of Sameness. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2018;17(2):240–359.
27. ElAshkar A. *Palestinian refugees in Lebanon denounce new 'inhumane' work restrictions*. [Electronic source]. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/palestinian-refugees-lebanon-denounce-latest-work-restrictions> (Accessed: 05.08.2021).
28. ХАМАС: хунака нийя ли-тахаррукят шаабийя аля аль-худуд аль-любна-нийя аль-фылыстынийя [Electronic source]. Available at: <https://www.alalamtv.net/news/4392126/حماس-هناك-نية-لتحركات-شعبية-على-الحدود-اللبنانية-الفلسطينية> (Accessed: 05.08.2021).
29. Al-Netour S. The Legal Status of Palestinians in Lebanon. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):360–377.
30. Holt M. The wives and mothers of heroes: Evolving identities of Palestinian refugee women in Lebanon. *The Journal of Development Studies*. 2007;43(2):245–264.
31. Sayigh R. Palestinian Refugees in Lebanon: Implantation, Transfer or Return? *Middle East Policy*. 2001;8(1):94–105.

32. Fincham K. Nationalist narratives, boundaries and social inclusion/exclusion in Palestinian camps in South Lebanon. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2012;42(2):303–324.

33. Long T., Hanafi S. Human (in)security: Palestinian perceptions of security in and around the refugee camps in Lebanon. *Conflict, Security & Development*. 2010;10(5):673–692.

34. Weighill M.-L. Palestinians in Lebanon: The Politics of Assistance. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):294–313.

35. *The Situation of Palestinian Refugees in Lebanon*. [Electronic source]. Available at: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?page=search&docid=56cc95484&skip=0&query=lebanon%20palestinians%20refugees> (Accessed: 05.08.2021).

36. *UN agency expresses concern over plight of civilians in southern Lebanon refugee camp*. [Electronic source]. Available at: <https://news.un.org/en/story/2015/08/507262-un-agency-expresses-concern-over-plight-civilians-southern-lebanon-refugee-camp> (Accessed: 05.10.2020).

37. Issa P. Rethinking Palestinian Political Factions. *Middle East Critique*. 2018;27(3):261–274.

References

1. *Lebanon*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unrwa.org/where-we-work/lebanon> (Accessed: 05.08.2021).

2. 302 (IV). *Assistance to Palestine refugees*. [Electronic source]. Available at: <http://www.unrwa.org/sites/default/files/302%20%28IV%29.pdf> (Accessed: 05.08.2021).

3. *UNRWA – Annual report of the Director*. [Electronic source]. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-178032/> (Accessed: 05.08.2021).

4. Davis U. *Citizenship and the State: A Comparative Study of Citizenship Legislation in Israel, Jordan, Palestine, Syria and Lebanon*. Ithaca Press, 1997. 222 p.

5. *Protocol on the Treatment of Palestinian Refugees [“Casablanca Protocol”]*. [Electronic source]. Available at: <https://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/E373EB5C166347AE85256E36006948BA> (Accessed: 05.08.2021).

6. *Nass ittifak al'-Kahfra al'-maakud ma bejna as-sultat al'-lyubnaniya va al'-munazzamat al'-fidaiyya al'-filystiniyya* [The Text of the agreement in Cairo between the Lebanese government and the PLO]. [Electronic source]. Available at: https://www.palestine-studies.org/sites/default/files/Text_of_the_Cairo_Agreement.pdf (Accessed: 05.08.2021). (In Arabic)

7. *Ad-Dustur* [The Charter]. [Electronic source]. Available at: <https://www.palestinercs.org/index.php?page=post&pid=24114&catid=1&parentid=0> (Accessed: 05.08.2021). (In Arabic)
8. Brynen R. The Politics of Exile; The Palestinians in Lebanon. *Journal of Refugee Studies*. 1990;3(3):204-227.
9. Takkenberg L., Albanese F. *The Status of Palestinian Refugees in International Law*. Oxford: Clarendon Press; 1998. 411 p.
10. Shiblak A. Palestinians in Lebanon and the PLO. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):261-274.
11. El-Malak E. Betrayed and Forgotten: Palestinian Refugees in Lebanon. *Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law Online*. 2002;9(1):131-168.
12. Howe M. Palestinians in Lebanon. *Middle East Policy*. 2005;12(4):145-155.
13. Caspit B. *The Netanyahu Years*. New York: Macmillan, Thomas Dunne Books; 2017. 480 p.
14. Trad S. *Falling through the Cracks. Legal and Practical Gaps in Palestinian Refugee Status*. [Electronic source]. Available at: http://prn.mcgill.ca/research/papers/050815_fallingthroughthecracks.pdf (Accessed: 05.08.2021).
15. *Stateless Palestinian Refugees in Lebanon. Country of Origin Information for Use in the Asylum Determination Process*. [Electronic source]. Available at: <https://www.nyidanmark.dk/NR/ronlyres/091D8946-CC06-4659-A864-773FA0D69FFC/0/RapportLibanon8102014pdf.pdf> (Accessed: 05.08.2021).
16. Abbas M. The Housing Situation of the Palestinians in Lebanon. The Socio-economic Conditions of Palestinians in Lebanon. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):378-396.
17. *The Taif Agreement*. [Electronic source]. Available at: https://www.un.int/lebanon/sites/www.un.int/files/Lebanon/the_taif_agreement_english_version_.pdf (Accessed: 05.08.2021).
18. El-Khazen F. Permanent Settlement of Palestinians in Lebanon: A Recipe for Conflict. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):275-293.
19. *An-nass al'-kyamil' li-mukabalyat ar-raais Imil' Lahud maa al'-Kuds li-l'-anba* [The Full text of the interview with President Emile Lahoud, Al-Quds News]. [Electronic source]. Available at: <http://alqudsnews.net/post/66108/> النص-الكامل-لمقابلة-الرئيس-اميل-لحود-مع-القدس-للأنباء (Accessed: 05.08.2021). (In Arabic)
20. Stel N. 'The Children of the State'? How Palestinians from the Seven Villages Negotiate Sect, Party and State in Lebanon. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2015;42(4):538-557.

21. Shiblak A. Palestinians in Lebanon and the PLO. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):261–274.
22. Hourani G.G., Sensenig-Dabbous E. Naturalized Citizens Political Participation Voting Behavior Impact on Elections in Lebanon (1996–2007). *Journal of International Migration and Integration*. 2012;13:187–202.
23. Tuastad D. 'State of exception' or 'state in exile'? The fallacy of appropriating Agamben on Palestinian refugee camps. *Third World Quarterly*. 2017;38(9):2159–2170.
24. *Education in Lebanon*. [Electronic source]. Available at: <https://www.unrwa.org/activity/education-lebanon> (Accessed: 05.08.2021).
25. Alagha J.E. *The Shifts in Hizbullah's Ideology: Religious Ideology, Political Ideology and Political Program*. Amsterdam University Press; 2006. 380 p.
26. Serhan W. Consociational Lebanon and the Palestinian Threat of Sameness. *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. 2018;17(2):240–359.
27. ElAshkar A. *Palestinian refugees in Lebanon denounce new 'inhumane' work restrictions*. [Electronic source]. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/palestinian-refugees-lebanon-denounce-latest-work-restrictions> (Accessed: 05.08.2021).
28. HAMAS: *hunaka nijya li-taharrukyat shaabijya alya al'-hudud al'-lyubnanijya al'-fylystynijya* [Hamis: intentions of the popular movement on the Palestinian-Lebanese border]. [Electronic source]. Available at: <https://www.alalamtv.net/news/4392126/> حماس-هناك-نية-للتحركات-شعبية-على-الحدود-اللبنانية-الفلسطينية (Accessed: 05.08.2021). (In Arabic)
29. Al-Netour S. The Legal Status of Palestinians in Lebanon. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):360–377.
30. Holt M. The wives and mothers of heroes: Evolving identities of Palestinian refugee women in Lebanon. *The Journal of Development Studies*. 2007;43(2):245–264.
31. Sayigh R. Palestinian Refugees in Lebanon: Implantation, Transfer or Return? *Middle East Policy*. 2001;8(1):94–105.
32. Fincham K. Nationalist narratives, boundaries and social inclusion/exclusion in Palestinian camps in South Lebanon. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. 2012;42(2):303–324.
33. Long T., Hanafi S. Human (in) security: Palestinian perceptions of security in and around the refugee camps in Lebanon. *Conflict, Security & Development*. 2010;10(5):673–692.
34. Weighill M.-L. Palestinians in Lebanon: The Politics of Assistance. *Journal of Refugee Studies*. 1997;10(3):294–313.

35. *The Situation of Palestinian Refugees in Lebanon*. [Electronic source]. Available at: <https://www.refworld.org/cgi-bin/texis/vtx/rwmain?page=search&docid=56cc95484&skip=0&query=lebanon%20palestinians%20refugees> (Accessed: 05.08.2021).

36. *UN agency expresses concern over plight of civilians in southern Lebanon refugee camp*. [Electronic source]. Available at: <https://news.un.org/en/story/2015/08/507262-un-agency-expresses-concern-over-plight-civilians-southern-lebanon-refugee-camp> (Accessed: 05.10.2020).

37. Issa P. Rethinking Palestinian Political Factions. *Middle East Critique*. 2018;27(3):261–274.

Информация об авторе

Махмутова Мария Игоревна, кандидат исторических наук, эксперт Российского института стратегических исследований; преподаватель кафедры военного стратегического Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

About the author

Maria I. Makhmutova, Cand. Sci. (History), Expert in Russian Institute for Strategic Studies; Lecturer in the Department of Military Regional Studies, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17 сентября 2021
Одобрена рецензентами: 24 октября 2021
Принята к публикации: 3 декабря 2021

Article info

Received: September 17, 2021
Reviewed: October 24, 2021
Accepted: December 3, 2021